

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЛОСТЬ В ЦЕНТРЕ ФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ XV в.

Задача настоящей статьи — проследить некоторые черты черной волости XV в. в феодальном центре России.¹ В этом отношении она должна служить продолжением наших наблюдений над черной волостью Переяславского и Костромского уездов,² наблюдений, сделанных на более локальном, но и более компактном материале. Внимание исследователей средневековой русской территориальной общины-волости до сих пор было приковано в основном к Северу, с его богатым и ярким материалом по этому вопросу. Но и изучение среднерусской волости имеет свою привлекательную сторону. В отличие от Севера эта волость находилась в самой гуще феодальных отношений, в самом центре феодализации страны. Это обстоятельство не могло не повлиять существенным образом на историю черной волости, определив и судьбы ее, и состав и специфику дошедших до нас источников. Наблюдения над материалом Переяславского и Костромского уездов дают, нам кажется, право сделать вывод, что черная волость в центре — историческая реальность и, более того, одна из существенных социально-экономических категорий XV в. Предлагаемая статья является попыткой распространить эти наблюдения и на другие уезды центральной России.

---

¹ Когда эта статья готовилась к набору, наша литература пополнилась новым интересным исследованием Л. В. Черепнина «Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.» (в кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с. 126—251), в котором проблемам черной волости посвящен один из параграфов (с. 210—229). В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности высказаться по поводу некоторых положений Л. В. Черепнина, которые представляются спорными; этим вопросам хотелось бы посвятить отдельную работу.

² Ю. Г. Алексеев. 1) Волость в Переяславском уезде. — Труды ЛОИИ СССР, вып. 2. Л., 1960, с. 228—256; 2) Черная волость Костромского уезда XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967, с. 72—84.

Изучение черной волости в центре России имеет свои особенности. В отличие от Севера, где волость и внутриволостные отношения подробно характеризуются обильными и разнообразными источниками, родившимися в самой волости и составленными ее людьми, среднерусская волость известна только по документам неволостного происхождения и только с одной стороны — с точки зрения своих взаимоотношений с феодалом — монастырем. Несколько десятков правых грамот и судебных списков, сохранившихся в архивах некоторых крупных монастырей, — вот все, что осталось от черной волости центральной России. В сущности в распоряжении исследователя только разрозненные и случайные эпизоды из жизни некоторых волостей среднерусских уездов, точнее, эпизоды их борьбы с монастырем, причем именно неудачной борьбы: монастыри хранят только документы о выигранных ими делах. Это обстоятельство с необходимостью накладывает глубокий отпечаток на все наши построения о черной волости центра, сообщая им в значительной мере характер условности и гипотетичности. В то же время такое состояние материала повышает ценность каждого сохранившегося известия, заставляя не только относиться к ним с обостренным вниманием, но и предполагать за каждым дошедшим до нас эпизодом длинную галерею подобных же явлений, не отразившуюся в доступных нам актах. Предлагаемая статья не претендует на широкие обобщения и категорические дефиниции. Ее задача — по возможности конкретные наблюдения над сохранившимся материалом.

* * *

«Яз, господине, помню до Едигеевой рати, ино на той земле жил Куземко Чететка, а на другой жил Дернко, а то земли великого князя... становые...», — говорит на суде 60-х годов крестьянин Московского уезда Лазарь Копорулин, вспоминая далекое прошлое спорных с Симоновым монастырем селищ.³ «На той, господине, земля на Сонинской великого князя жил отца моего Ступин брат Соня, до мору, а ту... землю пахал», — показывает на процессе 90-х годов крестьянин Горетова стана Московского уезда Василь Ступин.⁴ Деревней Даниловской в Горетовом стане владеет в 90-х годах крестьянин Палка; он живет здесь с сыном (и «тянет» к селу Лужскому).⁵ В Гороховецком уезде трое братьев Кухмыревых живут в деревне на селище Дуброве, а позднее в той же деревне, уже запустевшей, поселяется сын одного из

---

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1958, № 375 (далее — АСВР, т. II).

⁴ Там же, № 404.

⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1964, № 50 (далее — АСВР, т. III).

братьев.⁶ В Дмитровском уезде крестьяне Окулик Сусло и Олферко живут вместе в одной деревне Шишкинской, которую считают великого князя «черной, тяглой» Бередедеевской волости.⁷ В Коломенском уезде, по показаниям митрополичьих старожильцев, на селище Попкове жил когда-то Попко, «давший» позднее то селище некоему Бисяру, т. е. распорядившийся им как своим участком.⁸ В Можайском уезде в Усошской волости в деревне Кобылине живут «после отцов своих» крестьяне Куземка Фомин и Тимоха Степанов.⁹ В Юрьевском уезде, по словам крестьянина Якуша, на селище Медвежьем «сидел» бортник.¹⁰ В Калязинском уезде местные власти «сажают» двоих братьев Трусановых на одном селище — Матренкине.¹¹ В Ярославском уезде братья Михалевы поставили себе починок на пустоши Сабельниче, в Порховской волости.¹² В Костромском уезде двое братьев Солонининых владеют деревней Зубцовской.¹³ В том же уезде в деревне Городищи жили до 70-х годов трое крестьян.¹⁴

Таким образом, во всех случаях, когда мы можем в какой-то степени судить о размерах деревни волостного человека, перед нами — знакомое по Переяславскому уезду маленькое поселение в 1—2—3 двора, в которых живут 2—3 крестьянина, часто отец с сыном или братья. Более крупные поселения тоже упоминаются в актах, но весьма редко. Таково село Лужское в Горетовом стане Московского уезда,¹⁵ деревня Печенкина в Городском стане Коломенского уезда,¹⁶ село Городищи в Галицком.¹⁷ У нас нет возможности судить ни о размерах этих сел (намного ли они отличались от трехдворной деревни), ни об их структуре (были ли они компактными поселениями или разбросанными на некотором расстоянии друг от друга деревнями-дворами). Крестьянин, живущий в селе, имеет в отличие от деревенского жителя свою выть — надел. «Яз нынече сел на пустой выти на Пашиной», — заявляет на суде 60-х годов крестьянин галицкого села Городищи Васко Данилов. Пахотному участку — выти — соответствует угодье — покос. «Та пожня была Пашин покос», — говорит тот же Васко о спорной пожне Калитниковской. Сельская «выть», как и деревня, может переходить от отца к сыну. «После Паши тот покос. . .

⁶ АСВР, т. II, № 489.

⁷ Там же, № 402.

⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. М., 1951, № 114 (далее — АФЗХ, т. I).

⁹ АСВР, т. II, № 401.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1952, № 615 (далее — АСВР, т. I).

¹¹ АСВР, т. III, № 163.

¹² Там же, № 209.

¹³ Там же, № 48.

¹⁴ АФЗХ, т. I, № 248.

¹⁵ АСВР, т. III, № 50.

¹⁶ АСВР, т. II, № 414.

¹⁷ Там же, № 383.

косил сын его *Филия*», — выясняется из дальнейших показаний того же *Васка*. Закрепление выти за одним хозяином и наследственная передача ее вместе с тянущими к ней угодьями делает вероятным предположение, что «село» состояло из отдельных участков (фактически тех же деревень) и не знало никаких переделов.

Живя в деревне, крестьянин считает ее своей собственностью — вотчиной. «Земля и леса ... бортные великого князя, а уходы... и вотчина наша», — заявляют на суде бортники Суздальского уезда.¹⁸ «Земля черная великого князя, моей деревни», — характеризует спорную землю волостной человек — мелкий вотчинник *Исачко Шаблыка* в *Горетовом стане* Московского уезда.¹⁹ «Под» крестьянином может быть и две деревни; тогда перед нами — разбогатевший волощанин, в принципе мелкий вотчинник «крестьянского типа», по определению *А. И. Неусыхина*.²⁰ В таком именно виде предстает крестьянин Плесской волости Костромского уезда *Ивашко Петелин* сын *Соломина*, имевший «под собою» деревни черные *Тимохино* и *Зубково* и бивший челом писцу *Г. Р. Застолбскому* о размежевании их с землями *Чудова монастыря*.²¹

Трудовая деятельность крестьянина — постройка «хором», заведение пашни и другие «подели» — служит наиболее наглядным доказательством в спорах о принадлежности земли. «А пожалуй, господине судья, обозри тое земли и зарослей, бывало ли пустошь и дворещ, и борозд загонных, и изгород старых, и пахотные земли плужные и сошные по той поже и по зарослям есть ли?» — приглашает судью старец *Спасского Ярославского монастыря Александр* осмотреть спорное с крестьянами место, надеясь доказать отсутствие следов трудовой деятельности крестьян.²² Вопрос о наличии «подели» — решающий аргумент в споре суздальских бортников с местным вотчинником *Андреем Дмитриевичем* о болоте *Мукове*. «Подели нашей там нет», — капитулируют бортники.²³

«Сила» — труд, вложенный крестьянином в обработку земли и в постройку деревни, — ценится самим крестьянином: «А чтобы, господине, архимандрит да и ты, старец, наши силы не похотели, что есмя ... двор ставили, а ярь сеяли и лес секли», — говорят на суде *Олексей* и *Кондратик Мартыновы* дети *Безносого*, «севшие», по их словам, «на пугсте» «в городу» *Ярославле*.²⁴

¹⁸ Там же, № 496.

¹⁹ Там же, № 370.

²⁰ *А. И. Неусыхин*. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, с. 33.

²¹ АСВР, т. III, № 45.

²² Там же, № 209.

²³ АСВР, т. II, № 485.

²⁴ АСВР, т. III, № 213.

И волость, и государственная власть заинтересованы в крестьянской «силе»; они «рядят» и «сажают» крестьян «на лес, на старь», чтобы превратить лесную целину в культурные сельскохозяйственные участки.²⁵ «Тот Ортемко и его товарищы ... тот лес россекали, и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местах поставили», — так характеризует трудовую деятельность крестьян по освоению новых участков старец Макарьева Калязина монастыря Агафон, претендующий на основанные крестьянами починки.²⁶ Но сами крестьяне (Ортемко и шестеро других), основавшие четыре починка в глухом лесу Жабенской волости, утверждают, что «сели ... на те места за великого князя на лес на старь» и что «рядил» их дворский «с волостными людьми с добрыми». Грамоты (льготной) у этих крестьян нет, но несколько документов подобного рода (из этой же волости) до нас дошло. Из них можно заключить, что садящиеся на новые земли крестьяне получают от имени великого князя льготу на 10—15 лет.²⁷ Так и возникают на волостной территории новые слободки — результат внутренней колонизации, осуществляемой силами волостных крестьян.²⁸ Эта внутренняя колонизация, т. е. увеличение площади пахотной земли в стране, — важнейший результат трудовой деятельности русского крестьянина; вместе с тем это — основной фактор русской аграрной истории XIV—XV вв., фундаментальное условие успешной борьбы за национальную независимость и создание единого государства.

Наряду с полевым земледелием черные крестьяне широко практикуют подсеку. «Лес посекли и ярью посеяли сильно... на три десятины к своей деревне к Зубцову», — жалуются посельский Чудова монастыря Якуш на крестьян Плесской волости Костромского уезда.²⁹ Подсека известна и в давно обжитом Московском уезде: в Горетовом стане. Никоник Шаблыкин, по словам посельского Симонова монастыря Угримки, «посекл ... лес сее весны за старою межею монастырской земли, да и посеял».³⁰ Подсека, по-видимому, вообще широко распространена в XV в.; о ней как о самом обычном, само собой разумеющемся деле говорят и монастырские крестьяне.³¹

Крестьяне живут в волости десятки лет, из поколения в поколение. Наиболее колоритные фигуры на судебных процессах — знахори-старожильцы, помнящие за много десятков лет и часто ссылающиеся еще на своих отцов и дедов. Это — живая история волости, хранители ее памяти и традиции. «Мне, господине, от

²⁵ Там же, № 164.

²⁶ Там же, № 172.

²⁷ Там же, № 163—165.

²⁸ «То волостная слободка Жабенская». АСВР, т. III, № 172.

²⁹ Там же, № 48.

³⁰ АСВР, т. II, № 405.

³¹ АСВР, т. III, № 172.

роду сто лет да двадцать, и яз ... слышал у отца у своего, что те селища — великого князя», — говорит старожилец Нелешской волости Суздальского уезда Дмитр Занин на суде 80-х годов.³² 70-летний Оничка Ивакин также ссылается на слова отца.³³ Слова отца приводит и Офона Короткий в Кашинском уезде, хотя и сам помнит за 70 лет.³⁴

Сенка Гридин и Якуш Хрептов, крестьяне-старожилыцы Московского уезда, в 80-х годах помнят «до великого мору», что спорная с Симоновым монастырем земля — «великого князя черная», и знают, кто ее косил. «А яз, господине, ... помню, что дядя мой Онисим Пискло косил то Левково и Якушево ... с становыми крестьянами», — дополняет их показания Лучко десятский.³⁵ За 80 лет помнит историю земель Фомка Сенкин — старожилец Дмитровского уезда, на процессе 90-х годов.³⁶ Дорох Гаврилов и Овсяник Емельянов, знахори Городецкого (Бежецкого) уезда 90-х — начала 1500-х годов, такой старины не помнят, но «слыхали от отцев своих, что то земля великого князя» (деревня Кузминская, спорная с Симоновым монастырем).³⁷ Историю своих земель «от великого поветрея» помнят (тоже, может быть, по рассказам «отцев») и крестьяне Городского стана Коломенского уезда.³⁸ За 90 лет помнят старожилыцы Ярославского уезда,³⁹ за 80 лет — старожилыцы Московского уезда в волостях Воря и Корзенево.⁴⁰ Якуш Бортников, знахорь в Шуткинском стане Юрьевского уезда, в 90-х годах помнит «от Суздальского бою» (1445 г.) и еще слова своего деда.⁴¹

Длительность проживания в волости вовсе не означает нестарожимости связи с нею, тем более со своей деревней. В этом смысле показательна история упомянутых выше братьев Кухмыревых, крестьян Гороховецкой волости. Эти братья — Гаврилка, Кондратко и Степанко Сенкины дети — сели в 1497/98 г. на селище Дуброве на речке Мортке и получили от местного волостеля льготную грамоту на 10 лет от яма, размета и всех «иных пошлин». Братья поставили деревню, нахали два поля на селище, а третье — за речкой. Но «ту деревню учала у них вода поимати», и они перенесли ее на третье поле. Братья не прижились и там — лет через пять они деревню «покинули», «потому что им не почасилось». И стояла деревня пустая лет с 20, «и хоромы ... развалились да и погнили, только ... той деревни одно избищо осталось».

³² АСВР, т. II, № 48.

³³ Там же.

³⁴ АСВР, т. III, № 173.

³⁵ АСВР, т. II, № 404.

³⁶ Там же, № 406.

³⁷ Там же, № 407.

³⁸ Там же, № 414.

³⁹ АСВР, т. III, № 209.

⁴⁰ АСВР, т. I, № 595.

⁴¹ Там же, № 615.

Запустевший участок оказался в распоряжении волости, которая и «посадила» на той деревне Данилка Гаврилова сына Кухмырева, «где прежде того отец его живал».⁴²

Запустевший участок может превратиться в пожню — покос, которым распоряжается волость: «ту землю Сонинскую наймовал отец мой Нерон косити у трех сотских», — говорит на процессе 90-х годов знахор, крестьянин Горетова стана Московского уезда Куземка Неронов. А ведь «до великого мору» на этой земле жил и ее пахал Соня — дядя другого старожильца-знахора, Василя Ступина.⁴³ Сдача в наем запустевшего участка — дело обычное: так поступают, по их словам, и крестьяне Воиславского села Звенигородского уезда во главе со своим дворским.⁴⁴

Почему же пустуют земли? Что происходит с жителями волостных деревень? Один из вариантов жизненной карьеры — уход в феодальную вотчину, превращение в зависимого держателя на боярской или монастырской земле. Так, крестьяне Дмитровского уезда Ещук и Овсяник Устиновы, чей отец жил на волостной земле, «того и не помнят»: «жили есмь ... и до сех мест живем за бояры».⁴⁵ Волостной крестьянин может стать и холопом: «Ивашко Порывка тот, господине, у князя Ивана Житого в холопах», — рассказывает Олекса-истопник о бывшем крестьянине деревни Городищи Костромского уезда.⁴⁶

Но зависимость от феодала не на век: из вотчины можно вернуться в волость (конечно, не холопу). Вот «суседи-старожильцы, великого князя люди» в Соли Галицкой Гридя Авдеев, Ивашко Острецов, Полута, Остащ, они «земли и пустоши пахали на монастырь» (Симонов), а теперь, очевидно, вернулись в волость.⁴⁷ «Отказались за великого князя», по словам митрополита Зосимы, и крестьяне Окулик и Олферко из Симоновской вотчины в Берендеевской волости Дмитровского уезда.⁴⁸ Крестьянин Михалко Жук Насонов сын, проживший в Суздальском уезде в вотчине Спасо-Евфимиева монастыря 2 года, в 1502 г. тоже «вышел вон», даже не дождавшись Юрьева дня, но заплатив пожилое.⁴⁹ «Мы, господине, из Менчакова вышли уж тому третий год, а родилися есмь... и поросли в Менчакове», — рассказывают о себе трое уроженцев суздальской вотчины Спасо-Евфимиева монастыря, ставших теперь «городными крестьянами» (крестьянами околгородной волости?).⁵⁰

⁴² АСВР, т. II, № 489.

⁴³ Там же, № 404.

⁴⁴ АФЗХ, т. I, № 103.

⁴⁵ АСВР, т. II, № 388.

⁴⁶ АФЗХ, т. I, № 248.

⁴⁷ АСВР, т. II, № 368.

⁴⁸ Там же, № 402.

⁴⁹ Там же, № 495.

⁵⁰ Там же, № 492.

Таким образом, крестьяне уходят не только из волости в вотчину, но и из вотчины в волость; действует старинное обычное право крестьянского «выхода», зафиксированное в Судебнике. Между волостью и вотчиной, этими двумя основными ячейками средневековой аграрной организации, существует своего рода «обмен веществ».

При изучении среднерусской черной волости бросается в глаза полное отсутствие внутриволостной крестьянской документации. От северной деревни сохранились тысячи актов крестьянского землевладения — купчие, меновные, деловые и т. п. грамоты; от среднерусской — ни одного такого акта нет. Нам представляется, главная причина этого — раннее исчезновение самого крестьянского землевладения в изучаемых уездах. Земельные акты в XV—XVIII вв. рассматривались не как реликвия, а как документ, имеющий повседневную фактическую ценность. Именно поэтому монастыри тщательно хранили акты (в том числе и правые грамоты, и судные списки по выигранным земельным тяжбам), составляли копиями книги и т. д. Превращение среднерусской волости к концу XVI в. в совокупность вотчин и поместий, а ее жителей — в зависимых держателей на земле феодала сделало ненужным сохранение внутриволостной крестьянской земельной документации. Отсутствие для среднерусской волости многочисленных купчих грамот и других подобных актов, свойственных Северу, — особенность не природы среднерусской волости, а ее исторической судьбы, определившей состав и характер дошедшего до нас фонда источников.

* * *

Основная черта волостной организации — единство индивидуальной и общинной собственности. К. Маркс отмечает, что европейская средневековая территориальная община «существует только во взаимных отношениях ... индивидуальных земельных собственников» и реализует свое существование не непосредственно, а только через особые институты.⁵¹ Такими «особыми институтами» в русской волости являются прежде всего ее должностные лица. Низшее звено волостной администрации, по-видимому, десятский. Он довольно часто встречается в актах. «Дядя мой, Онисим Пискло, косил то Левково да Якушево ... с станowymi крестьяны при сотнике при Степане Сарычине, да в той же ... земле вышла полоса великого князя земли Еремкины, а пахали ее к монастырской земле монастырские крестьяне, и яз ... на ту землю взводил судью — великого князя тиуна Карпа Ховралева, и Карп ... ту полосу присудил мне», — говорит на процессе 80-х го-

---

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 472.

дов в Московском уезде десятский Лучко Лазарев.⁵² «Отец мой ... рассказывает, что был десятский у трех сотницких», — рассказывает на суде в Горетовом стане того же уезда в 90-х годах крестьянин Куземка Панушин, «помнящий» за 50 лет.⁵³ «Яз ... живу в своей деревне пятьдесят лет», — говорит на том же процессе десятский Олексейко.

Десятский, таким образом, сын и отец волостного крестьянина и сам крестьянин — жилец и владелец своей деревни. Он активно выступает за интересы волости, может «взвести» судью на землю и выиграть процесс; в своей деятельности он подчинен сотскому. Должность десятского не пожизненная: известен «старый» (т. е. бывший) десятский. Это Ивашко Лыко в Московском уезде, знахорь-старожилец на судебном процессе 60-х годов.⁵⁴

Встречается в актах и пятидесятский. На том же процессе 60-х годов в качестве знахоря-старожильца выступает «старый пятидесятский» Лазарь Копорулин. Вот что он говорит о себе: «Яз, господине, помню до Едигеевой рати лет за пятнадцать ..., то земли великого князя ... становые, и дань ... давали, и во все потуги с нами тянули; а мой ... отец был тогда на тех землях пятидесятником; и как ... отец мой мертв, ино ... после Едигеев-рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях».⁵⁵ Возглавляя коллегию экспертов-старожильцев, этот старик (в 60-х годах ему должно было быть около 80 лет) ведет себя на процессе о волостных землях чрезвычайно активно: «Присудишь нам, господине, поле за великого князя землю, и мы ... на поле лезем с монастырскими знахари». Таким образом, и пятидесятский — крестьянин, видимо, активный и авторитетный член волостной общины: он может держать пятидесятское много лет, как бы «наследуя» отцу, но и расставшись с этой должностью, он продолжает оставаться влиятельным лицом волостного мира.

Наиболее видное лицо волостной администрации — сотский. Ряд черт деятельности сотского выясняется на судебном процессе 90-х годов о землях Горетова стана Московского уезда.⁵⁶ Горетовский крестьянин Семенко Кожа, оспаривая землю Соинскую у Симонова монастыря, говорит: «То ... истарины земля великого князя тяглая, да и сотские ... старые давали ту землю в наем, Офанасий Сидоров, да Федор Карачаров, да Тимофей Лунов». Его показания подтверждают старожильцы: «Земля истарины тяглая, ... да и внаймы ... давали сотские ту землю» (Захар Потулов); «Наймовал отец мой Нерон косити у трех сотских» (Куземка Неронов). Сам ищя Сенька Кожин, отвечая на вопрос судьи: «Почему молчал?», говорит: «Яз, господине, не молчал, и сот-

⁵² АСВР, т. II, № 400.

⁵³ Там же, № 404.

⁵⁴ Там же, № 375.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, № 404.

скому есми ... говорил». Наконец, судья Василий Никитин сын Пушкин обращается к самому сотскому Горетова стана Ивану Луганину: «Сколь давно держишь сотское, а та земля Совинская у тебя в сотнице написана ли?». И сотский отвечает: «Сотское, господине, за мною лет с тридцать, а в сотнице ... тое земли Совинские нет».

Итак, перед нами ответственный представитель волостной общины. Должность свою он исполняет десятки лет, у него на руках официальный письменный документ, фиксирующий все волостные земли; от имени волости он дает земли в наем; при нем состоят десятские; в земельном споре с неволостными людьми крестьянин обращается к нему. Но сотский — сам крестьянин. Он может выступать не только как глава волостной администрации, но и как частное лицо. Так, в 70—80-х годах сотник Шаховской волости Ярославского уезда Некрас Леонов «покосил сильно», по словам митрополичьих крестьян, селище Павлецово. На судебном процессе он уверяет, что это — земля великого князя и что он косит ее 15 лет, ссылаясь при этом на двух старожильцев.⁵⁷ Это типично крестьянский образ действия, крестьянская и аргументация. Как ответственное должностное лицо волостного мира сотский представляет его в наиболее критических случаях. Так, в 60-х годах сотский Пехорской волости Юрий Константинов сын Лычева возглавляет коллегию волостных мужей (двое десятских и кузнец), приносящих жалобу самому великому князю на архимандрита Симонова монастыря и «ево братью», завладевших волостными землями.⁵⁸ Наместник великого князя в Ярославле князь И. В. Стрига-Оболенский, получив в 60-х годах распоряжение великого князя «обыскати Спасских пустошей» (т. е. пустоши Спасского Ярославского монастыря), в процессе «обыска» обращается прежде всего к сотскому, а в своей грамоте в волость Жары — «к сотским и к волостным людям», с запрещением «вступаться» в иммунитетные владения феодала и ссылается при перечислении пустошей на авторитет того же сотского: «А вашего ж есмь сотского спрашивал».⁵⁹ Волостель великого князя дает льготную грамоту волостному человеку, «поговоря с сотским и с судеды».⁶⁰

Возглавляет волость, по-видимому, староста. Филя Гридин сын, староста Шаховской волости Ярославского уезда, в 1501 г. «тягался ... во всех крестьян место волости Шаховские» со старцами Толгского монастыря.⁶¹ Староста Минского стана Костромского уезда Фрол Токарев «в всех христиан место Минского стану» выступил в 1501—1502 гг. на процессе против митрополичьего

⁵⁷ АФЗХ, т. I, № 261.

⁵⁸ АСВР, т. II, № 381.

⁵⁹ АСВР, т. III, № 193.

⁶⁰ АСВР, т. II, № 489.

⁶¹ АСВР, т. III, № 221.

посельского.⁶² Важная функция старосты — наделение нового крестьянина землей. Староста Гороховской волости «с товарищи», например, «посадил» на пустоши в Деревнищах уже упоминавшегося Данилку Гаврилова сына Кухмырева.⁶³

Должностные лица волости широко представлены на судебных процессах и на разъездах в качестве членов судебной коллегии и «мужей на разъездах». Но не только они — десятские, пятидесятские, сотские и старосты — могут являться официальными представителями волости. Такую роль иногда играют и другие «волостные мужи».

Если коллективное выступление крестьян Пехорской волости возглавил сотский, а Шаховской и Минской волостей — старосты, то во главе Ликиуржской волости Костромского уезда на процессе начала 1500-х годов мы видим трех крестьян — Мартынку Ларионова, Ермолку Федорова и Онцыфарина Онтонова, выступающих «в всех христиан место Ликиуржские волости».⁶⁴ В Суздальском уезде в 80-х годах от имени Нелешской волости выступают тоже трое крестьян — Алексейко Фомин, Васко и Ехремко Ладыгины.⁶⁵ От имени общины числяков «за все численные люди» выступают тоже три представителя — Ефремко с сыном Ивашкой и Рука.⁶⁶

* * *

Если волость XV в. представляет собой в своих внутренних отношениях территориальную общину относительно свободных (не платящих ренту) земельных собственников — аллодистов, то другая, не менее существенная сторона в характеристике волости — это подчинение ее князю как главе феодального государства и его аппарату на местах.

С точки зрения феодального государства волость XV в. — прежде всего организация тяглого населения. «Черные люди» княжеских грамот — духовных, докончальных, жалованных и др. — это те, кто «тянет» к сотникам. Волостные, становые люди платят дань и «тянут во все потуги»: «А то земли великого князя ... становые, а дань, господине, давали, и во все потуги с нами тянули», — приводит «старый» пятидесятник Лазарь Копорулин основной аргумент в споре о принадлежности земель.⁶⁷

Черные крестьяне — тяглецы — основные плательщики государственных налогов и повинностей. Кроме главных налогов — дани, яма, посохи и городского дела, которые платили все крестьяне XV в., черные люди несут еще и специфические повин-

⁶² АФЭХ, т. I, № 258.

⁶³ АСВР, т. II, № 489.

⁶⁴ АФЭХ, т. I, № 254.

⁶⁵ АСВР, т. II, № 481.

⁶⁶ Там же, № 374.

⁶⁷ Там же, № 375.

ности в пользу князя и его администрации. Одна из таких повинностей — кошение сена на «великого князя конь» («коня моего ... кормят» или «закосное» жалованных грамот). Крестьянин Московского уезда Сенька Гриндин вспоминает на одном из процессов: «Помню до великого мору, что то земля великого князя черная ... а косили ее на великого князя конь на становой». Другие старожилы, Якуш Хрептов и десятский Лучка Лазарев, помнят и имена крестьян, косивших на становой коня: это Федко Максимов, Софон Говоров и Онисим Пискло.⁶⁸ Таким образом, эта повинность, по крайней мере в начале XV в., была натуральной и заключалась в кошении сена на определенных, специально выделенных участках назначенными для этой цели волостными людьми. Такая организация податного обложения, с одной стороны, является следствием признания князем существования волости как определенного общественного организма, с другой же стороны, поддерживает и стимулирует цельность этого организма.

Но подчинение волости фискальным интересам феодального государства означает определенную степень ее феодализации, ограничения прав волостных людей и их возможностей самостоятельно распоряжаться территорией волости и продуктами своего труда. Подчинение волости административному аппарату на местах создает реальную возможность вмешательства наместника, волостеля и их людей в функции волости. Так, в 80-х годах на суде Суздальского уезда «городный человек» Микита Пантелеев заявляет, что он «наймывал ... косити селище Мудищево у Микифорова тиуна у Басенкова за нелешское».⁶⁹ Таким образом, несмотря на наличие сильной и активной волостной организации Нелешской волости, ее пустое селище сдают в наем не сами волостные люди, а тиун наместника.

Не менее важным аспектом подчинения волости феодальному государству (а следовательно, и ограничения древней свободы общинников-аллодистов) является подсудность ее членов местным представителям государства — наместникам, волостелям и их аппарату — и выплата им судебных штрафов, поборов и т. п., а также содержание этого аппарата на местах. Черты этого суда раскрываются в уставных грамотах и в Судебнике 1497 г. Для нас сейчас важно отметить, что в основном законодательном акте по этому вопросу («Указ наместником о суде городским»), входящем в состав Судебника и как бы подводящем итоги развития этого института к концу XV в., в качестве обязательной нормы устанавливается участие в суде дворского, старосты и «лутчих людей», причем важность этой нормы подчеркнута двойной ее формулировкой: позитивной («а на суде у них быти дворскому, и старосте, и лутчим людям») и, так сказать, «запретительной»

---

⁶⁸ Там же, № 400.

⁶⁹ Там же, № 481.

(«а без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити»)⁷⁰ Нам представляется, что это не новелла, а отражение старой судебной практики и в то же время — зародыш и предпосылка земской и губной реформы середины XVI в.

Но по отношению к волости (и во всех других случаях) князь выступает не только как глава феодального государства, но и как феодал, имеющий свои собственные хозяйственные интересы, которые на практике порой не так-то легко отделить от интересов государственных (правовая теория того времени не знала такого четкого деления). Эти собственные интересы князя реализуются прежде всего в появлении на территории волости землевладения княжих слуг — тех, что «потягли к дворскому», по выражению докончальных княжеских грамот.

Таковыми слугами являются конюх (Московский уезд),⁷¹ повар (там же),⁷² истопник (Костромской уезд)⁷³ и т. д. Сидя на волостной земле, слуга под дворским частично смешивается с волостным крестьянином, выступает рядом с ним на суде и на разъезде, вступает за волостную землю и т. д. В отличие от крестьянина слуга подучает землю непосредственно по распоряжению князя. Так, князь Юрий Васильевич (1462—1472) пожаловал своего слугу Карпа Михайлова сына Булгакова семью пустошами в Берендеевской волости Дмитровского уезда. После перехода Дмитровского удела в состав великого княжества (1472) это пожалование было подтверждено великим князем.⁷⁴ Так на волостной территории образовалась мелкая вотчина княжеского слуги. При этом земля, пожалованная князем слуге, остается тяглой волостной территорией — «княжщиной», по удельной терминологии. Так именно называет свою землю Карп Булгаков во время спора о ней с волостями Симонова монастыря: «Пустошь осподаря моего, князя Юрия Васильевича, тяглая, а те ... земли понеча за мною» (показательно, что на этом суде в качестве одного из «мужей» присутствует берендеевский дворский Гаврилко).⁷⁵ Так же квалифицируют эту землю и волостные крестьяне-старожильцы: «Земля великого князя, а владел теми селищи Карп Булгаков».⁷⁶ То же

⁷⁰ Судебник 1497 г., ст. 38.

⁷¹ АСВР, т. II, № 418, 419, 424.

⁷² Там же, № 371.

⁷³ АФЗХ, т. I, № 248.

⁷⁴ АСВР, т. II, № 369.

⁷⁵ Там же, № 388.

⁷⁶ Там же, № 406. Земельные тяжбы Симонова монастыря с крестьянами подробно исследованы в диссертации Л. И. Ивиной «Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. (по материалам Московского Симонова монастыря)» (Л., 1969). Автором сделан ряд интересных наблюдений. Считаю своим долгом принести благодарность Л. И. Ивиной за ее замечания, связанные с подготовкой настоящей статьи.

и в Московском уезде: «Земля великого князя черная, ... а мне дал ... князь великий ту землю осенесь ... а се грамота великого князя перед тобою», — говорит Ивашка Саврасов.⁷⁷

Таким образом, земля слуги под дворским не превращается в иммунитетное феодальное владение, хотя в определенных условиях может носить характер мелкой вотчины на волостной территории. Но выдача князем грамоты на волостную землю означает его прямое вмешательство в поземельные отношения волости и является существенным ограничением компетенции волостной общины.

Распоряжаться волостной землей князь может и иным образом. Так, в 1489/90 г. «по слову великого князя» дворецкий князя П. В. Шестунов «пожаловал» Степанка Дорогу Якушева сына пустошью Козловской в Корзенево Московского уезда. Это — оброчная земля, лежащая в пусто «лет с петдесят», «лесом поросла великим, ни двора ... на ней нету, ни кола, ни пашни». Степан Дорога получает льготу от дани и других пошлин на 6 лет, по истечении которых должен платить ежегодно во дворец оброк — полполтины.⁷⁸ В Корзеневской волости есть свой «мир»: сотник Арист, люди добрые старожилы — они присутствуют на суде 90-х годов с Троице-Сергиевым монастырем по поводу этой пустоши.⁷⁹ Тем не менее распоряжаются ею не они, а сам князь. Это — пустошь оброчная, ее владелец не тянет тягло вместе с волостью, а платит особый, индивидуальный оброк. Степан Дорога, может быть, и не слуга, но он и не волостной человек в полном смысле. Испомещенный по воле великого князя на волостной земле, он занимает в волости особое положение, отличное от положения волостных крестьян.

Ближайший объект деятельности дворского — низшего звена княжеской администрации в волости — «слуги, что потягли к дворскому». Но функции дворского не ограничиваются наблюдением и контролем над княжескими слугами. Он участвует и в делах волости. Что же делает в волости дворский? Дворский Жабенской волости Кашинского уезда Тропыня в 1496 г. посадил на селище Матренкине двух крестьян: Гридку да Иванку Степановых детей Трусанова и дал им льготу на 15 лет. Все это — «по слову великого князя». Но «рядил» их он с десятским с Деем Тюшинским и еще с двумя крестьянами — представителями волости.⁸⁰ Точно так же поступает и его преемник — дворский Васко. Он «рядит» крестьян вместе с десятским и еще двумя представителями волостного мира и дает льготную грамоту «по слову великого князя».⁸¹ О льготных грамотах дворского говорят крестьяне той же

⁷⁷ АСВР, т. II, № 400.

⁷⁸ АСВР, т. I, № 541.

⁷⁹ Там же, № 595.

⁸⁰ АСВР, т. III, № 163.

⁸¹ Там же, № 164, 165.

волости и на судебных процессах с Макарьевым Калязиным монастырем.⁸²

Выходит как будто, что дворский как лицо, представляющее великого князя, может давать от его имени льготные грамоты, т. е. освобождать на тот или иной срок от несения государственных повинностей. Этим он отличается от сотского и старосты, которые (во всяком случае староста) хотя и могут дать землю крестьянину, но льготной грамоты выдать не могут. В тех волостях, где не было дворского, но был сотский, выдачу льготной грамоты осуществляет волостель. Так, в Гороховской волости в 1497/98 г. волостель Константин Симанский «пожаловал» братьев Кухмыревых селищем Дубровою и дал им льготу на 10 лет «по великого князя слову», но «поговоря ... с сотским да с суседы с волостными с гороховскими».⁸³ Здесь тоже видна двойственность распоряжения землей: «посадить» на землю и дать крестьянский участок на волостной территории нельзя без участия представителей волости; а освободить от тягла — дело администрации великого князя, которое может быть осуществлено только от его имени.

В городской общине дворский дает землю тоже «со всей братьей» (Звенигородский уезд, 1460-е годы).⁸⁴ Как и сотский, дворский выступает вместе с волостными крестьянами в качестве судного мужа и мужа на разъезде. В одном случае «в дворского место» на суде присутствует поп (Суздальский уезд).⁸⁵ На наш взгляд, это тоже свидетельствует о несколько особом положении дворского в волости — о неполноте слияния его с волостным миром.

Дворский Жабенской волости — местный житель, крестьянин. «А еще, господине, отец мой был дворской Жабенской волости», — говорит на судебном процессе крестьянин Офона Короткой.⁸⁶ Живя в волости, дворский обязан блюсти интересы князя. «Зовешь земель великого князя, а они (митрополичьи крестьяне, — Ю. А.) косят исстарины, а ты дворской, а живешь тут, а о том молчишь, то ведает бог да князь великий!» — упрекает дворского Коровая судья И. Голова в 70-х годах в Костромском уезде.⁸⁷ Этот дворский вообще злоупотреблял своим служебным положением. Воспользовавшись родством с митрополичьим поселским Окинфом Шубой, он «приткнул» свою мельницу на р. Сендеге к митрополичьей земле и покосил селище, на которое претендовали власти митрополичьего удела. В отличие от крестьянина — дворского Жабенской волости, отца Офони Короткого,

⁸² Там же, № 172, 173.

⁸³ АСВР, т. II, № 489.

⁸⁴ АСВР, т. III, № 56.

⁸⁵ АСВР, т. II, № 458.

⁸⁶ Там же, № 173.

⁸⁷ АФЗХ, т. I, № 259.

Коровай, видимо, мелкий вотчинник. Его земля «боярская», т. е. выделена из волостных земель, находится на каком-то особом положении. Судья И. Голова прямо ставит перед ним вопрос: «Так земля великого князя, ... а у тебя за полем, а ты на ней мельницы ставишь и косишь, а припускаешь к своей земле к боярской кого доложу? Князю ли еси великому челом бил, или человека старейшего доложил? Коли наряжаешь, и ты зовешь своим, а ныне ищут, и ты зовешь великого князя?».

Суть должностного преступления Коровая — в освоении волостной земли. Он пытается оправдаться: «Коли есмь ... наряжал мельницу, и яз доложил князя Федора Романовича да и грамоту есмь ... у него взял; а потом есмь ... бил челом великому князю, и государь мя пожаловал тою пустошью ... и грамоту ми ... дал».⁸⁸ Таким образом, дворский нуждается в особом разрешении великого князя для постройки мельницы и для освоения пустоши лично для себя. Возникает маленькая «боярщина» — мелкая вотчина на волостной земле, но уже выходящая из непосредственной юрисдикции волости. Коровай получает грамоту от великого князя и его наместника; волостные «люди добрые» с их сотским здесь уже ни при чем. Исправление должности дворского может, следовательно, привести к образованию мелкой вотчины — одного из проявлений феодализации волостной земли.

Если появление на волостных землях княжих слуг под дворским и самого дворского хотя и сужает компетенцию волости, но не меняет существа ее, то к совсем другим последствиям приводит «окняжение» волости в собственном смысле — превращение ее территории в земельную собственность князя-феодала, а волостных людей — в феодальнозависимых держателей. О том, что происходит при этом, рассказывают крестьяне углицкой волости Весь Егонская.⁸⁹

В рассказе крестьян можно выделить два основных момента, непосредственно связанных с черной волостью. Во-первых, промен князем черных деревень феодалу — сыну боярскому. Это распоряжение князем черной волостной землей превращает вчерашних относительно свободных общинников-аллодистов в зависимых держателей в феодальной вотчине. Во-вторых, «обояривание» черных деревень самим князем (точнее, его дьяком, действующим от его имени): припуск черных деревень к княжему селу в пашню. Благодаря таким радикальным мерам с черным крестьянским землевладением и его порядками в этом районе было покончено; лишённые покосов деревни новых держателей превратились в простой придаток княжеского села.

Таким образом, устройство собственного княжеского хозяйства — «села» — на волостной земле ведет к существенным изме-

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ АСВР, т. II, № 433.

нениям в экономическом и правовом положении черных крестьян и фактически прекращает историю черной волости.

Князь (в данном случае — удельный) может распоряжаться подобным образом волостной землей в силу своего положения — государя (по терминологии XV в. — «господина»), главы княжества. Это же положение князя как главы государственной власти, которому подданные целуют крест, признавая его своим повелителем, определяет и возможность раздачи князем черных земель феодалам — широкоизвестную в Европе практику феодальных государей. Такая практика распоряжения землей в качестве государя-сюзерена принципиально отличается от распоряжения своей землей феодала-собственника, получающего ренту с сидящих на его земле зависимых крестьян.

Князь — глава феодального государства — распоряжается не только черными землями, но и землями феодалов. Так, Тимофей Дыбин, владелец «боярской земли», для того чтобы дать в Симонов монастырь свои пустоши Куземкино и Стрыйнево, должен был получить разрешение великой княгини Софьи Витовтовны, в чьем уделе находились эти земли.⁹⁰ Право князя на распоряжение землями своего княжества и на контроль над ними проглядывает и в меновой князя Александра Федоровича со Спасским Каменным монастырем в 40-х годах XV в. Этот любопытный документ облечен в форму жалованной грамоты.

В первой клаузуле акта князь жалует в монастырь земли, во второй же пишет: «А што мои люди подавали в монастырь земли. и яз те земли себе поимал, в тех место земель».⁹¹ Кто такие эти «люди», «подававшие» земли в монастырь? Едва ли это «люди» в узком смысле — холопы князя, хотя бы даже и слуги под дворским. Такие «люди» распоряжаться своим держанием не могли, и их сделка с монастырем была бы просто аннулирована князем как незаконная. Скорее всего, это и не крестьяне — термин «христиане» уже прочно укоренился для обозначения непривилегированного сельского жителя (особенно в устах князя — сами крестьяне еще именуют себя «волостными людьми»). Можно предположить, что «люди» грамоты — это вообще подданные князя Александра Федоровича, живущие в его княжестве. Законность их сделки с монастырем не оспаривается князем. Но в то же время он подчеркивает, что это — земли его «людей», нечто такое, на

⁹⁰ АСВР, т. II, № 375. По поводу этого случая (и подобных) А. А. Зимин polemизирует с В. И. Сергеевичем, отмечающим различие между государственным и частноправовым владением (А. А. Зимин. Из истории поместного землевладения на Руси. — Вопросы истории, 1959, № 11, с. 132—134). На наш взгляд, прав в данном случае именно В. И. Сергеевич, а не А. А. Зимин, считающий купли вассалов великого князя «собственностью московского государя и его детей»: А. А. Зимин нечетко отграничил государственный сюзеренитет великого князя от его (частной?) собственности.

⁹¹ АСВР, т. III, № 264.

что он имеет какое-то преимущественное право, которое и реализует, выменивая себе эти земли.

Широко распространенный термин «земля великого князя такой-то волости», постоянно употребляемый крестьянами, не означает, разумеется, что земля волости принадлежит князю на правах феодальной собственности. «Дом Пречистые — государев великого князя, а земли, господине, то монастырские — божии же да великого князя», — заявляют на суде 60-х годов в Московском уезде келарь Симонова монастыря старец Никита и посельский старец Мисаил.⁹² Эта формула в устах представителей крупнейшего феодала весьма многозначительна. Она свидетельствует, конечно, не только о склонности к философским обобщениям, но прежде всего отражает реальное положение вещей. Земля Симонова монастыря, как и земля крестьянской волости, — «земля великого князя»: она расположена на территории великого княжества, великий князь — государь — сюзерен этих земель; жители их — его подданные. Для черной волости князь — «господин», для своих собственных земель — «государь» — хозяин. Недаром же Иван Калита, да и другие московские князья, распорядившиеся своими княжествами, «прикупают» и «примысливают» себе села в частную феодальную собственность.

Но чем меньше княжество-удел, тем меньше расстояние, отдаляющее «господина» от «государя», сюзерена от хозяина. Очень любопытный и характерный для XIV—XV вв. процесс пережизнения удела-княжества в феодальную вотчину князя-хозяина прослежен А. И. Копаневым на примерах ярославских и белозерских князей.⁹³ Отзвуки этого процесса можно наблюдать и в актах среднерусской волости XV в. Вмешательство князя в дела волости заметнее именно в маленьких удельных княжествах. Так, селище Голодово в черной Нелешской волости Суздальского уезда за речкой Корнатью где-то в середине XV в. сдает в наем для покоса приказчик местного князя Ивана Горбатого,⁹⁴ при этом как будто никто не сомневается, что это волостные земли.

* * *

Вопрос жизни и смерти для черной волости — сохранение ее земель, этой «материальной основы свободы населяющих их крестьян».⁹⁵ Право князя распоряжаться землей волости открывает один из важнейших путей феодализации волостной территории — ее превращения в частную собственность светских и церковных

⁹² АСВР, т. II, № 375.

⁹³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 157—168.

⁹⁴ АСВР, т. II, № 481.

⁹⁵ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — История СССР, 1962, № 2, с. 151.

феодалов. Однако в условиях XV в. этот путь не единственный. Весьма большое значение имеет и повседневная деятельность самих феодалов, осуществляющих силами своих крестьян и «людей» активное наступление на волостные земли. Некоторые черты этого процесса можно проследить по сохранившимся актам.

В 60-х годах в Московском уезде волостные крестьяне Корнилко и Ивашко возбуждают процесс о селищах Куземкине, Четкинине и Дернкове. По их словам, это «земля великого князя стаповая из старины, тяглая», а «ныпеча папшут старцы из села Быловского, неведомо почему».⁹⁶ Однако в действительности, по-видимому, дело обстояло не так просто. В ходе судебного разбирательства судьей Яковом Шацевальцевым выясняются некоторые черты истории спорных селищ за последние 60—70 лет. Первый — исходный — момент этой истории изложен в показаниях старейшего участника процесса — бывшего пятидесятского Лазаря Копорулина: «Яз, господине, помню до Едигеевой рати лет за пятнадцать, ино на той земле жил Куземка Чететка, а на другой жил Деряко, а то земли великого князя пустоша становые, и дань . . . давали, и во все потуги с нами тянули . . . после Едигеевой рати был яз пятидесятником восемь лет на тех же землях». Таким образом, показания Лазаря Копорулина охватывают период с начала 90-х годов XIV в. (за 15 лет до Едигеевой рати, т. е. в 1393 г.) до середины 10-х годов XV в. (через 8 лет после Едигеевой рати, т. е. в 1416 г.). В течение этого времени и, без сомнения, раньше спорная земля была и в теории, и на практике тяглой черной волостной (становой) землей «великого князя»; селища были аллодами волостных людей, известных поименно и тянувших с волостью во все повинности. Другие старожильцы-знахори крестьянской стороны, в том числе и «старый» десятский Ивашко Лыко, таких живых деталей и вообще никаких подробностей уже не помнят и могут только в самой общей форме подтвердить, что им «ведомо, что та земля — великого князя становая истарины». По-видимому, на их памяти спорная земля уже не была жилой.

Показания монастырской стороны рисуют на первый взгляд несколько иную картину. Келарь Никита и посельский Мисаил утверждают, что Симонов монастырь получил спорную землю по вкладам частных лиц — Т. Дыбина и В. М. Морозова — уже «лет с 30»; трое монастырских крестьян показывают, что папшут спорные земли уже лет с тридцать на монастырь; «волостной человек» Федор Локоть «помнит за двадцать лет до Едигеевой рати», что спорная земля — «боярская Дыбинская».

Но ищей — крестьяне Корнилко и Ивашко — и не отрицают факта вклада Тимофея Дыбина: «Дал им свою землю Тимофей

⁹⁶ АСВР, т. II, № 375.

Дыбин, и мы ся у них в ту землю не вступаем»; речь идет о других землях, не входивших, по мнению крестьян, в «боярщину» Дыбина. Сложнее обстоит дело со вкладом В. М. Морозова, который, по словам монастырских старцев, «дал» в монастырь селище Дерново «тому лет с тридцать», т. е. где-то в 30-х годах. Крестьяне по существу не оспаривают это положение, молчаливо допуская, таким образом, возможность такого вклада. В лице своего пятидесятского они настаивают только на «старине» — на времени до Едигеевой рати и первых лет после нее, когда селище Дерново было тяглым. Возможно, что где-то между 10-ми и 30-ми годами произошло «обояривание» тягловой земли — захват ее феодалом В. М. Морозовым, после чего эта земля и была дана в монастырь.⁹⁷ В остальном же показания сторон в общем не противоречат, а дополняют друг друга.

Если крестьянские знахори хорошо знают ранний период истории селищ — до 1410-х годов, а позднейшее время представляют себе нечетко, то у монастырской стороны дело обстоит как раз наоборот: центр тяжести показаний охватывает время начиная с 30-х годов, когда спорные земли перешли в руки монастыря. Конкретная история селищ как крестьянских земель обрывается где-то после 10-х годов; в 30-х годах — это уже симоновская вотчина, обрабатываемая монастырскими крестьянами. Оставляя в стороне спорные детали, можно констатировать, что перелом в истории произошел, по-видимому, именно в этом интервале, т. е. где-то около 20-х годов. Именно в это время исчезли волостные люди — жители деревень, деревни превратились в пуштоши, которые позднее были освоены монастырем.

Весьма интересны показания сторон на процессе 90-х годов о земле Сонинской в Горетовом стане Московского уезда.⁹⁸ «До мору» здесь была крестьянская деревня: в ней жил Соня, дядя («отца ... брат») одного из знахорей. После этого, вероятно, уже «после мору», на этой земле никто не живет, ее сдают внаймы косить сотские. В числе «ванимателей» были, видимо, и монастырские крестьяне из села Ивановского: симоновские старожилы называют их по именам. Наконец, монастырь ставит на этой земле деревню Болкашино — лет за пятнадцать до процесса, т. е. где-то в 70-х годах. Утрата волостью ее земли стала непреложным фактом. Но еще раньше, за тридцать лет до процесса, т. е. в 60-х годах, спорная земля уже не попадает в волостную сотницу и сотскому уже «не ведомо, чья то земля истарины».

Таким образом, первый этап утраты волостью ее земли — это запустение, исчезновение жилой деревни. Деревня превращается

⁹⁷ Л. И. Ивина относит вклад В. Морозова к концу 30-х — началу 40-х годов (Л. И. Ивина. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в., с. 153).

⁹⁸ АСВР, т. II, № 404.

в пустошь, пашня — в покос и как таковая служит объектом аренды («найма»). Именно в качестве нанимателей и проникают сюда, вероятно, монастырские крестьяне. В этом и заключается второй этап интересующего процесса. С течением времени хозяйничанье монастырских людей становится традицией, стариной; пустошь исчезает из списка волостных земель (судя по сохранившимся образцам, этот список — сотница — включал только населенные земли и, как правило, не перечислял подробно угодья). Наконец, наступает третий этап: основание нового, уже феодального, поселения на бывшей волостной земле. Процесс феодализации волостной территории приходит к своему логическому завершению.

Итак, потеря волостью ее земель начинается с их запустения. Именно запустение (смерть или уход волостных людей-аллодистов), влекущее за собой прекращение хозяйственной жизни на данном участке волостной территории и ослабление или прекращение хозяйственных связей этого участка с волостью, создает обстановку, в наибольшей степени благоприятную для посягательств феодала.

Понятно поэтому, что такие события, как Едигеева рать и особенно «великий мор», являются рубежом в истории многих земель, спорных между волостью и феодалом. 1420—1430-е годы как рубеж в истории волостных земель фигурируют в большинстве актов. Именно в это время в руки Симонова монастыря перешли, по утверждению старцев, земли Власовская и Левино по вкладу В. М. Морозова в составе земель села Былово. Но община числяков считает эти земли своими и трижды бьет о них челом великому князю, добываясь их возвращения.⁹⁹

На процессе 80-х годов выясняется, что земли Левковская и Якушевская «до великого мору» были, по показаниям крестьян, становыми тяглыми — их косили «на великого князя конь на становой».¹⁰⁰ Но старожилы Симонова монастыря «помнят» за 60 лет, что эти земли пахут уже на монастырь. И волостным крестьянам по существу нечем отвести этот аргумент: с 1420-х годов, т. е. как раз с «великого мору», на котором обрывается «память» волостных людей, спорные земли, по-видимому, были действительно освоены монастырем. Архимандрит Зосима прямо говорит, что эта земля была получена монастырем в «великий мор» от некоего Федота Нелидова; это подтверждает и один из знахорей, заявивший при этом, что селища и «до мору» были «боярской землей» того же Нелидова. Опять-таки перед нами, во-первых, несомненный факт освоения пустой (нежилой) земли монастырем в «великий мор»; во-вторых, неясные обстоятельства этого освоения: получил ли монастырь эту землю как «боярщину»

⁹⁹ Там же, № 374.

¹⁰⁰ Там же, № 400.

из рук Федота Нелидова или просто освоил ее, остается сомнительным.

Нечто похожее произошло и в Корзневской волости: здесь в 90-х годах Троице-Сергиев монастырь претендует на селище Козлово, данное в монастырь Анастасией Саларевой тоже в великий мор. Показания старожилов на этом процессе расходятся. Но знаменательно, что волостные люди «помнят» только в общей форме, что «та земля ... великого князя из старины Корзневские волости оброчная», а монастырские знахори совершенно конкретно указывают, что эту землю пашут к троицкому селу Муромцеву. Наиболее красноречивы показания сотника Корзневской волости Ариста и шести других корзневских крестьян: «Мы, господине, того не ведаем, куда то селище ... тянуло истарины, а как ... запоним, ино то селище ... монастырское, а тянет к селу Муромцеву лет с шестьдесят».¹⁰¹ 60 лет назад для 90-х годов — это как раз 30-е годы, время великого мора или первых лет после него. Именно с этого времени спорное селище превратилось в монастырскую землю. Другая, более старая «старина», время «до великого мору», для сотника Ариста и его товарищей не существует: волость безвозвратно потеряла свои земли. На фоне этого основного факта показания знахорей ответчика — оброчного крестьянина Степанки Дороги, выглядят одинокими и малоубедительными в силу именно своей неконкретности: память о реальном прошлом селища утрачена, осталось смутное общее впечатление (вероятно, правильное в принципе) о принадлежности его когда-то к оброчным землям.

В Горетовом стане Московского уезда на суде 60—70-х годов симоновский поселский Бориско Федотов откровенно заявил, что спорная земля — дуг Лжевский и пашня — лежит в пуге «лет за сорок» от «великого мору», т. е. именно с 20—30-х годов, и что он (а до него другие поселские) косили эту землю к монастырскому селу Ивановскому. Этому факту отнюдь не противоречит показание знахоря противной стороны — Гриди Ощеры, который помнит за 60 лет, что то — «земля великого князя».¹⁰² Старина «до мору» уже не имеет принципиального значения на фоне длительного запустения земель и их фактического освоения монастырскими крестьянами. В Бежецком уезде в 90-х годах крестьянские знахори прямо заявляют о спорной земле: «Отцы сказывали — то земля великого князя, а мы не знаем, чья земля, и меж не ведаем». Монастырский же поселский старец Геронтий в своих показаниях рисует весьма правдоподобную картину освоения волостных земель: симоновские крестьяне 60 лет косили пустошь к селу Кузьмодемьянскому, а потом на той пустоши была поставлена деревня.¹⁰³ Аналогичная картина — и в Соли

¹⁰¹ АСВР, т. I, № 595.

¹⁰² АСВР, т. II, № 370.

¹⁰³ Там же, № 407.

Галицкой. Здесь на суде 60-х годов монастырские знахори откровенно заявили о четырех спорных пустошах, что «тее земли и пустоши падут на монастырь от мору от великого, лет за пятьдесят».¹⁰⁴

Волостные люди хорошо сознают значение «великого мора» как важного рубежа в истории их земель. «А был, господине, на той земле великого князя монастырек Богородицкий, а запустел от великого мору, и ныне владеет тою землею Васюк (посельский Симонова монастыря. — Ю. А.) к Ивановскому селу»,¹⁰⁵ — показывает на процессе 90-х годов крестьянин Иван Собака, претендующий на землю Положимолотовскую в Московском уезде. Крестьяне черной деревни Печенкиной в Городском стане Коломенского уезда на суде 90-х годов тоже прямо связывают захват волостных земель феодалами с моровым поветрием: «То ... земли великого князя черные становые истарины, а запустели от великого поветрия, и те ... селища черницы Симонова монастыря освоили ... а пашет ... наездом ту землю посельский Симонова монастыря сел».¹⁰⁶ В Галицком уезде на судебном разбирательстве 60-х годов выясняется частичное запустение в мор села Городищи на р. Унже: после мора никто не живет на выти крестьянина Паши, никто не косит его покос. И старожильцы вымерли, кроме старика Онкундина, который прямо сказал, что «от мору тот луг залегл, не кашивал его из Городища никто, а косили его черницы Симонова монастыря», что вполне совпадает с показаниями монастырской стороны.¹⁰⁷

Последствия «великого мора» для волостных земель наиболее отчетливо представлены в показаниях крестьян Костромского уезда: «Волость, господине, Ликуржская запустела от великого поветрея, а те ... деревни и пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты, не ведаем, которые, за себе, тому лет с сорок. А волостных ... деревень Ликуржских тогда осталась одна шесть деревень с людьми, и нам ... тогда было не до земли, людей было мало, искати некому», — говорят крестьяне Ликуржской волости на процессе начала 1500-х годов о крупном куске волостной территории — шестнадцати деревнях и пяти починках.¹⁰⁸ «... земли истарины великого князя Минского стану тяглые, запустели от великого поветрия», — вторят им крестьяне Минского стана, оспаривая у митрополичьих властей деревню и двенадцать пустошей.¹⁰⁹

¹⁰⁴ Там же, № 368.

¹⁰⁵ Там же, № 421.

¹⁰⁶ Там же, № 414.

¹⁰⁷ Там же, № 383.

¹⁰⁸ АФЗХ, т. I, № 254. Ср.: Л. И. Иванна. Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV—начале XVI в. — Исторические записки, т. 86, 1970, с. 333—334.

¹⁰⁹ АФЗХ, т. I, № 258.

Таким образом, ослабление волости означает в то же время усиление феодала. Запустение волостных земель открывает прямую дорогу для феодальной экспансии. Во время стихийных («великий мор») и социальных («Едигеева рать») бедствий черная волость страдает сильнее и восстанавливает свои силы медленнее, чем привилегированная феодальная вотчина, которая пользуется всяким удобным случаем для расширения своих владений и сферы своего влияния. Эпидемии, татарские рати, феодальные смуты подрывают прежде всего хозяйство непривилегированных черных людей, объективно способствуя росту феодального землевладения, в первую очередь крупного. «Не веремя нам было, господине, — татарове у нас были ... да ждали есмя ... вотчича», — объясняет судьям звенигородец Степанко, почему он не «искал» земли шесть лет у властей Савво-Сторожевского монастыря.¹¹⁰ И московские крестьяне 15 лет — в 40—60-х годах — «молчали» о пустошах Куземкине, Чететкине и Дернкове, «потому что было не до земель»¹¹¹ — в условиях Шемякиной смуты и татарских набегов 50-х годов.

Самоуправство наместников и их пренебрежение к интересам подведомственного им населения — также один из факторов, неблагоприятных для черной волости. При плохом наместнике черные люди не могут рассчитывать на защиту от посягательств сильного соседа-феодала. «Была, господине, Нелша за Судимонтом семнадцать лет, и он ... за нас не стоял, и мы ... земель не искали», — говорят крестьяне Нелешской волости на процессе 80-х годов, объясняя, почему они «молчали» о спорных со Спасо-Евфимьевым монастырем землях.¹¹² «Наместником есмя ... коломенским о той земле бивали челом неодинова, и они ... пас о той земле с старцы не управливают, норовят ... старцом Симонова монастыря», — заявляют коломенские крестьяне в 90-х годах писцу К. Г. Заболотскому.¹¹³

Важное обстоятельство, весьма невыгодное для крестьян, — недобросовестность и корыстолюбие судей. Крестьяне нередко высказываются весьма не лестно о судьях и судебных процессах. «Судья Михаил Карпов на землю въезжал, ялся сказати великому князю, да не сказал, а пами волочил, а им норовил, а нам не учинил пичего, ... судья Григорий Васильевич Морозов на землю въезжал, а исправы не учинил», — рассказывают о своих судебных мытарствах числяки Московского уезда на процессе начала 60-х годов.¹¹⁴ «Били есмя челом государю великому князю, ... когда Федор Давыдович Коломну держал; и князь великий ... на ту землю дал нам судью Федора Давыдовича; и Федор Давы-

¹¹⁰ АСВР, т. III, № 56.

¹¹¹ АСВР, т. II, № 375.

¹¹² Там же, № 481.

¹¹³ Там же, № 414.

¹¹⁴ Там же, № 374.

дович ... ту землю присудил к тем селом Симонова монастыря по посулам, а взял у них ... от тое земли посула шубу кунью да пятнадцать рублей денег», — заявляют в 90-х годах коломенские крестьяне.¹¹⁵ Подобная выразительная, но не очень выгодная характеристика судьи-наместника частично подтверждается монастырской стороной: по словам старца Игнатия, «Федор Давыдович судил и велел ту землю пахать, а грамоты правые не дал», т. е. не дал никакого документа, ограничившись устным распоряжением. Видимо, коломенские крестьяне в оценке судьи были недалеки от истины. Дмитровские мелкие вотчинники тоже не слишком высокого мнения о судьбе Якове Игнатьеве сыне Татищеве, судившем их с Симоновым монастырем около 1472 г.: «Что ся нам, господине, слати? Что себе хотели, то писали», — отвечают они на вопрос нового судьи — писца В. М. Заболотского-Чертенка, «шлются» ли они на судебное разбирательство Татищева.¹¹⁶

Таким образом, не только мор и татарская рать, не только феодальная усобица — эти, так сказать, отклонения (хоть и частые) от нормального хода жизни феодального общества, но и сама эта «жизнь» как таковая, сама атмосфера феодального государства по своей природе отнюдь не благоприятствуют черной волости. Это последнее обстоятельство, однако, не следует преувеличивать. Крестьяне XV в. упорно добиваются «правды», обращаясь к великому князю и в феодальный суд. Надо думать, что далеко не все судьи были корыстолюбивы и недобросовестны и что решение суда далеко не всегда было заведомо неблагоприятным для крестьян.¹¹⁷

Если наступление феодала на волость имело целью захват волостных земель, то волостные люди в свою очередь всеми доступными им мерами пытались сохранить свою землю и по возможности вернуть захваченное феодалами. Именно стремление волости защитить себя от феодала лежит в основе всех судебных процессов о земле, характерных для конца XV — начала XVI в.

Наиболее простым видом борьбы за землю был спор на межах. Крестьянин фактически, явочным порядком нарушал привилегированную феодальную собственность монастыря. По-видимому, это было распространенным явлением, вызывавшим жалобы монастырских властей и судебное разбирательство по их инициативе. Вот симоновский архимандрит Зосима бьет челом великому князю на его слугу, Ивашку Саврасова: «Поорал нашу землю Федотов-

¹¹⁵ Там же, № 414.

¹¹⁶ Там же, № 406.

¹¹⁷ К правильным, на наш взгляд, выводам по этому вопросу приходит Л. И. Ивина в своей статье «Судебные документы и борьба за землю» (Исторические записки, т. 86, с. 345—346). Надо только учесть, что до нас дошли далеко не все судебные дела, а почти исключительно такие, которые закончились победой монастыря-феодала.

скую Нелидова». Но с точки зрения Ивашки спорная земля — «великого князя черная Левковская да Ошуконская», и ему дал эту землю сам великий князь «осенесь о Покрове». ¹¹⁸ Вот оброчный крестьянин Степанко Дорога вызывает жалобу троицких старцев: «То селище называет землей великого князя, а нам ... нынеча того селища пахать не даст». ¹¹⁹

Мелкий вотчинник Горетова стана Никоник Шаблыкин «посекл ... лес ... сее весны за старою межею монастырскую землю, да и посеял», по словам властей Симонова монастыря. Но сам Никоник и его отец, Шаблыка-чернец, утверждают, что «есть ... межа, да не та» и что они пашут свою, следовательно черную, землю. ¹²⁰ Крестьяне Архангельского собора жалуются на черного человека — крестьянина Офонаска из села Лужского в том же Горетовом стане: «Пашет землю и кулишку косит, перелезши за межу сильно за изветом». Но Офонаско уверяет, что пашет и косит «землю великого князя» к своей деревне Даниловской — ту землю, которую до того «явочным порядком» захватили и пытались освоить архангельские крестьяне. ¹²¹

Крестьянин Пехорского стана Васко Трубица из своей деревни Большое Реткино «был всеял три осмины ржи на земле Меншом Реткине» и вызвал этим разъезд земель с Симоновым монастырем «по слову великого князя» (и, вероятно, судебное разбирательство, не дошедшее до нас). ¹²² Крестьяне Плесской волости Костромского уезда «покосили пожню Клеопинскую монастырскую на тридцать копен сильно, да лес посекали и ярью посеяли сильно же на три десятины к своей деревне к Зубцову к черной», — жалуются в 1505 г. власти Чудова монастыря. ¹²³ Крестьяне — двое братьев Солониных — утверждают, что земля и пожни — их «из старины»; они уже били челом, прося размежевать их деревни с Чудовым монастырем, ¹²⁴ но соответствующее распоряжение писца Г. Р. Застольского не было исполнено — межи не были учинены. Все это — сравнительно мелкие и потому, вероятно, очень частые нарушения феодальной собственности отдельными представителями волости.

Значительно более сложная ситуация сложилась в Гороховской волости в конце 80-х годов. По словам старца Ивана Вороны, представителя монастыря св. Василия (подведомственного властям Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря), крестьяне Гороховской волости во главе с сотником «пашут сильно» три мо-

¹¹⁸ АСВР, т. II, № 400.

¹¹⁹ АСВР, т. I, № 595.

¹²⁰ АСВР, т. II, № 405; Л. И. Ивлина. Крупная вотчина в Северо-Восточной Руси, с. 263—264.

¹²¹ АСВР, т. III, № 50.

¹²² АСВР, т. II, № 374.

¹²³ АСВР, т. III, № 48.

¹²⁴ Там же, № 45.

настырских селища. Волостные же крестьяне (всего 8 человек) заявляют, что «все то земля великого князя» и что они их пахут «содного». Здесь монастырскую собственность нарушает уже целая группа крестьян во главе с ответственным представителем волости. Впрочем, разбирательство на земле исчерпывает конфликт: крестьяне признают землю монастырской и оправдываются незнанием межей.¹²⁵

Крестьяне Усошской волости Можайского уезда Куземка Фомин сын и Тимоха Степанов сын вызывают в 80-х годах обвинение симоновских властей в том, что «попахали сего лета сильно за изветом да и рожью посеяли» монастырскую землю степановскую Ватолинского села. Сами же крестьяне утверждают, что пахнут спорную землю к своей деревне Кобылинской «после отцов своих» и что до монастырских земель им дела нет. В ходе судебного разбирательства более или менее достоверно выясняется, что спорная земля действительно принадлежала когда-то к Усошской волости, но была дана Симонову монастырю великим князем по душе князя Юрия Васильевича (по завещанию последнего) в начале 70-х годов. Но знахори ответчиков-крестьян продолжают считать спорную землю волостной и, признаваясь, что не знают межей, многозначительно заявляют: «А весь Усох — великого князя».¹²⁶ В этих словах — сознание единства волостной территории и сомнение в правомерности распоряжения этой территорией со стороны верховной власти — распоряжения, нарушающего истари сложившийся хозяйственный комплекс. Конечно, признавая а priori «весь Усох» волостной землей, можно и не знать межей внутри волости и даже с некоторым вызовом заявлять об этом на суде. И проиграв процесс у судьи — можайского писца Ильи Григорьевича Наумова («потому что, залезши за лес, да вступаются в землю монастырскую, а старожильцы... меж не знают»), те же крестьяне продолжают «вступаться» в феодальную собственность: в 1500 г. они «сено погребли сильно и свезли, сто конен», что вызывает новое судебное разбирательство.¹²⁷

Борясь за свои земли и угодья, Усошская волость в 1504 г. сама бьет челом на Симонов монастырь: «Покосили луг, да и лес секут сильно через извет, укосили семьдесят конен сена».¹²⁸ Перед нами затяжной, многолетний конфликт между монастырскими властями и представителями волости, сопровождающийся насильственными действиями обеих сторон и судебными процессами.

Острый конфликт и у Спасо-Евфимьева монастыря с Нелешской волостью в Суздальском уезде. По словам монастырских

¹²⁵ Там же, № 483.

¹²⁶ АСВР, т. 11, № 401.

¹²⁷ Там же, № 422.

¹²⁸ Там же, № 428.

старцев, «все христиане нелешские третьего лета покосили селище (Медведково, — Ю. А.) за изветом сильно, а летось покосили монастырские крестьяне, да и тот Олексейко (один из нелешских крестьян, — Ю. А.) поймал то сено сильно, да и иные селища у нас отнимают монастырские сильно же ... а называют их ... селищи великого князя нелешскими». Олексейко Фомин и его товарищи откровенно признают, что и сено косили, и у монастырских крестьян сено «поимали»: их действия законны, потому что все те селища (всего 8) «великого князя» и тянут к Нелше. Свои действия крестьяне рассматривают как борьбу за возвращение захваченных монастырем земель: «Нынче ... Нелша стала за великим князем, и мы ... тех селищ ищем».¹²⁹ Таким образом, в данном случае волостные крестьяне «ищут своих земель» не путем обращения к верховной власти, а непосредственными и самостоятельными действиями на месте, надеясь в то же время на заступничество со стороны великого князя.

Весьма любопытный конфликт возникает около 1490 г. в Берендеевской волости Дмитровского уезда на землях симоновского села Верзневского. Посельский Симонова монастыря жалуется на двух крестьян: «Сидят на монастырской земле на Шинкинском селище, а называют ... великого князя земель, да живут на той земле сильно, а вон из деревни не идут». Крестьяне же — Окулик Суело и Олферко — утверждают, что живут не на монастырской, а на «великого князя земле на черной, на тяглой, ... Берендеевской волости». Запрошенный судьей — князем И. Ю. Патрикеевым — митрополит Зосима, бывший архимандрит Симонова монастыря, в своих показаниях разъяснил эту своеобразную ситуацию. По его словам, он «посадил тех мужиков ... и дал им льготу на три года»; они и отседели свой урок, «три годы мишудо сее весны», после чего приходили в монастырь, били челом, чтобы дали льготы еще на два года; «а мы им льготы не дали, и они не того ся и отказали за великого князя».¹³⁰ Налицо, таким образом, попытка монастырских крестьян «ся отказать» — вместе с землей! — «за великого князя». Это именно то, что можно назвать «дефеодализацией» земли, пользуясь удачной терминологией И. И. Смирнова. В данном случае крестьяне, видимо, недавно вышедшие из волости, видят в дефеодализации путь к разрешению своего конфликта с монастырскими властями. Сама же дефеодализация осуществляется в форме фактического освоения монастырской земли и сопротивления монастырским властям, пытающимся изгнать крестьян из освоенной ими деревни.

Нечто похожее и в вотчине Макарьева Калязина монастыря. В 1504 г. старец этого монастыря Агафон жалуется судье на семерых крестьян — жителей четырех починок: «Жьди, господине,

¹²⁹ Там же, № 481.

¹³⁰ Там же, № 402.

тот Ортемко и его товарищи у нас в монастырских деревнях старых, да из наших ... деревенок тот лес россекали и прятали, и пахали, и косили, и дворы себе на тех местах поставили за монастырь, да и грамоты ... льготные на те починки взяли у игумена и у братья на монастырь, а уже ... тому четыре годы, а нынеча... те починки называют волостными землями».¹³¹ Монастырские старожилы слово в слово подтверждают показания своего ищца. Сами же ответчики, Ортемко и его товарищи, категорически утверждают, что «сели есмь .. на те места за великого князя на лес на старь, а рядил нас .. на тот лес на старь дворской Васюк Деев жабенской с волостными людьми с добрыми». Некоторые из них, действительно, представляют соответствующие грамоты.¹³² Но двое из крестьян признаются: «Грамоты льготные у нас нет, а рядил нас ... дворской Васюк, а грамоты нам ... не дал». Трудно решить, какая сторона права по существу, т. е. в какой степени справедливы обвинения, предъявленные крестьянам. Но для нас важнее сама суть этих обвинений: Ортемко и его товарищи обвиняются в попытке «дефеодализации» монастырской земли. Видимо, такое явление, как попытка «отказаться» в волость с освоенной монастырской землей, не было редкостью.

Таким образом, «споры на межах» — фактические столкновения волостного человека с феодалом по вопросу о правах на землю и угодье — могут иметь разные поводы и принимать разную степень остроты: от кошения спорной пожни до попытки присоединить к волости монастырские жилые деревни. Но независимо от повода и масштабов в основе всех этих столкновений — классовый конфликт волостного крестьянина, отстаивающего свою землю и остатки свободы, и феодала, стремящегося расширить территорию и хозяйство своей вотчины именно за счет непривилегированных волостных крестьян.

Этот конфликт может принимать и другую форму — форму апелляции волостных крестьян к суду великого князя. В этом случае в роли ищца выступает волость, в роли ответчика — монастырь. Одно из крупных крестьянских выступлений такого рода состоялось в 60-х годах в Пехорском стане Московского уезда. Здесь сотский Ю. К. Лычев, двое десятских и кузнец Исачко Пашлов били челом великому князю «за всю волость Пехорскую» на архимандрита Симонова монастыря Евсевия и его братью: «Владеют, господине, твоим великого князя монастырем Спаса Преображения, и озера Верхним, и Нижним, деревнями и пустоши; а се, господине, церковь Спаса и озера и деревни и пустоши — твои, великого князя».¹³³ Речь идет здесь, таким образом, о значительном куске волостной «великого князя» земли, причем

¹³¹ АСВР, т. III, № 172.

¹³² Там же, № 163—165.

¹³³ АСВР, т. II, № 384.

в качестве ответчиков к суду привлекается глава одного из крупнейших столичных монастырей, а судьей является сам великий князь. Победа монастырской стороны в этом процессе, доставшаяся, по-видимому, с большим трудом, особенно ценилась симоновскими властями: правая грамота имеет подтверждения Василия III и Ивана IV.

В тех же 60-х годах община числяков бьет челом на Симонов монастырь по поводу захвата своих земель, причем на суде выясняется, что за последние 15 лет числяки бьют челом уже третий раз.¹³⁴ Ликурижская волость Костромского уезда в лице трех своих представителей (действующих «в всех христиан место») ведет тяжбу перед судьей — писцом Григорием Романовичем Застолбским — против митрополичьих детей боярских.¹³⁵ Минский стан того же уезда во главе со своим старостой спорит перед тем же писцом с митрополичьим посельским.¹³⁶

Следует отметить, что далеко не во всех известных судебных делах волость выступает за свои земли как цельная организация во главе со своими должностными лицами. Во многих случаях борьбу на межах и судебный процесс ведут от своего имени отдельные крестьяне. Но социально-политическая оценка таких выступлений от этого не меняется: в них проявляется двойственная природа крестьянского землевладения в волости — неразрывная связь аллода с общинной территорией. Защищая свою пашню или покос от посягательств «монастырских людей», черный крестьянин тем самым защищает от феодала территорию волостной общины в целом, как и сама волость, выступая во главе с сотским или старостой за свои земли, отстаивает в сущности права крестьян на их деревни и угодья.

Основная масса правых грамот и судебных списков о волостной земле относится к 70—90-м годам XV в. Представляется, что это не случайность. Последняя четверть XV в. — время крупных политических событий, повлиявших на все стороны жизни страны. Создание единого независимого государства было крупным шагом вперед в истории русского народа и означало прежде всего известную степень стабилизации политического и экономического положения страны.

Успешная внешняя политика оградила основную территорию страны от татарских и иных «ратей»; ликвидация уделов привела к исчезновению феодальных смут. В конце XV в. не слышно и о крупных эпидемиях и голодовках. Эти условия не могли не привести к подъему экономики, прежде всего — к росту населения и развитию внутренней колонизации. Все это создает новую социально-экономическую ситуацию, в которой захват волостных

¹³⁴ Там же, № 374.

¹³⁵ АФФХ, т. I, № 254.

¹³⁶ Там же, № 258.

пустошей феодалами стал затруднительным. Правительство Ивана III очень редко жалует феодалов волостными землями; московские служилые люди получают в поместье бывшие вотчины новгородских бояр, а рост церковного землевладения повсеместно прекращается. В новгородских пятинах реформа Ивана III создает обширный фонд «государевых оброчных земель», весьма близких во многих отношениях к черным землям центра страны. Создается впечатление, что правительственная политика в аграрном вопросе в конце XV—начале XVI в. была в какой-то мере направлена на сохранение крестьянского волостного землевладения в качестве материального резерва для обеспечения различных потребностей государства.

Ввиду всего этого последние десятилетия XV в. в целом гораздо более благоприятны для борьбы крестьянской волости за свои земли против соседа-феодала, чем наполненная трагическими внутренними и внешними конфликтами и стихийными бедствиями первая половина века. С попыткой крестьянской волости в новых условиях остановить феодальную экспансию и по возможности вернуть потерянное «в великий мор» и связано появление многочисленных судебных дел, частично сохранившихся в монастырских архивах.

Однако значение этой благоприятной обстановки конца XV—начала XVI в. для крестьянской волости отнюдь не следует преувеличивать. Феодальное землевладение продолжало развиваться, хотя и в других формах (поместье), классовые интересы феодалов и волостных крестьян были противоположны. И в этих, сравнительно благоприятных для крестьян, условиях, феодальный суд решает множество дел в пользу феодалов-землевладельцев (именно эти дела и дошли до нас в составе монастырских архивов), а волостные люди вынуждены с горечью признаваться, что «били челом есмя... великому князю... многожды, и князь великий не слушает, государя не можно доступити».¹³⁷

* * *

Судя по сохранившимся материалам, черная волость в XV в. не была особенностью какого-либо одного уезда или района. Черные волостные земли и связанные с ними отношения встречаются повсюду — и в Заволжье, и на Оке, и в Суздальском Ополье, и под стенами самой Москвы. Это дает право рассматривать черную волость как общерусское явление, более или менее широко распространенное в XV в. и имеющее как общие характерные черты, так и местные особенности.

Общей характерной чертой черной волости является прежде

---

¹³⁷ ЛФЭХ, т. I, № 258.

всего сама ее природа непривилегированной мелкой крестьянской собственности в сочетании с территориальной властью общины. Это позволяет рассматривать волость XV в. как один из этапов перерождения, трансформации древней дофеодальной свободной общины — этой, по К. Марксу, «необходимой фазы развития всех свободных народов».¹³⁸ Наиболее существенным отличием волости XV в. от этой общины является ее вхождение в состав феодального государства и в связи с этим ее непривилегированный характер. Являясь частью феодального общественного организма, крестьянская община с необходимостью занимает одну из нижних ступеней в феодальной иерархии. Волостные люди и их земли не знают ни привилегий, ни льгот; они несут всю тяжесть государственных повинностей и не охраются никаким особым правом ни от произвола администрации, ни от посягательств имунитетов. Древняя свобода вырождается в неполноправие.

Наиболее важная черта, роднящая черную волость с древней общиной (и в то же время противопоставляющая ее вотчине), — отсутствие на ее землях собственно феодальных институтов господства и подчинения (патроната, имунитета и др.), и прежде всего материальной основы для существования этих институтов: крупной земельной собственности, обрабатываемой принудительным трудом. Неся в полном объеме государственное тягло, черная волость не знает ренты в пользу феодала — земельного собственника. Волостной человек, живущий на своем участке — аллоде — и не знающий над собой иной власти, чем глава государства и его официальные представители, может рассматриваться в условиях феодальной Руси XV в. как относительно свободный человек — свободный по сравнению с феодальнозависимым крестьянином и холопом в вотчине.

Однако именно в этом плане в наибольшей степени сказываются местные особенности в развитии и существовании черной волости — в мелких и все более дробящихся удельных княжествах пределом развития черной волости является ее превращение в наследственную вотчину князя, а степень отличия волостного человека от феодальнозависимого крестьянина стремится к нулю. Это обстоятельство дает основание говорить о разной степени феодализации черной волости XVI в., т. е. о разной степени утраты ею ее существенных специфических черт.

Черная волость и ее жители — питательная среда для феодального землевладения, которое растет и развивается в конечном итоге именно за ее счет. Тот факт, что после нескольких веков развития феодальной вотчины к концу XV в. волостные земли сохранились почти во всех уездах феодального центра страны, косвенно свидетельствует о большом удельном весе черной во-

---

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, с. 482.

лости в предшествующие столетия и о существенной роли ее непривилегированного свободного жителя в исторических судьбах страны.